

К.М. СТАНЮКОВИЧ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Константин Михайлович Станюкович

На камнях

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 ноября 2002 года
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137550

*К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х т. Том 1:
Издательство «Художественной литературы»; Москва; 1988*

Содержание

I	4
II	11
III	22
IV	33

Константин Михайлович Станюкович На камнях

I

Вечерняя вахта на «Красавце», куда меня недавно перевели с «Голубчика», была не из приятных.

Дождь хлестал немилосердно и, несмотря на новый дождевик и нахлобученную зюйдвестку, ехидно пробирался за воротник, заставляя по временам вздрагивать от холода водяной струйки, стекавшей по спине. Дул довольно свежий противный ветер, и клипер «Красавец», спешивший вследствие предписания адмирала, несясь под парами полным ходом среди непроглядной тьмы этого бурного вечера в Китайском море.

Признаюсь, мне было очень жутко в начале вахты. Воображение юнца-моряка, настроенное окружающим мраком, рисовало всевозможные неожиданности, с которыми, казалось, мне не справиться. В глазах мелькали – то справа, то слева – воображаемые красные и зеленые огни встречных судов или внезап-

но вырастал под носом клипера грозный силуэт громадного «купца», не носящего, по беспечности, как часто случается, огней, и я напряженнее вглядывался вперед, в темную бездну, вглядывался и, не видя ничего, кроме чуть белеющих гребешков волнуемого моря, часто покрикивал часовым на баке вздрагивающим от волнения голосом «Хорошенько вперед смотреть!» – хотя и понимал, что часовые, так же как и я, ничего не увидят в этой крошечной тьме, окутавшей со всех сторон наш несшийся вперед маленький клипер.

Скоро, впрочем, я свыкся с положением. Нервы успокоились, галлюцинации зрения прошли, и к концу вахты я уже не думал ни о каких опасностях, а ждал смены с нетерпением влюбленного, ожидающего свидания, мечтая только о свежем белье, сухом платье и стакане горячего чая в теплой кают-компании.

Время на таких вахтах тянется чертовски долго, особенно последняя склянка. От нетерпения поскорей обсушиться и отогреться после четырехчасовой «мокрой» вахты, кажется, будто этой последней, желанной склянке и конца не будет.

– Сигнальщик! Узнай, сколько до восьми?

Притаившийся от дождя под мостиком сигнальщик, хорошо знающий нетерпение «господ» перед концом вахты, торопливо спускается вниз и через минуту воз-

вращается и докладывает, что осталось «всего восемь минут».

«Целых восемь минут!»

– Ты на каких это часах смотрел? – грозно спрашиваешь у сигнальщика.

– В кают-компании, ваше благородие! Уж Николай Николаич обряжаются к вахте, – прибавляет в виде утешения сигнальщик и исчезает под мостик.

И снова шагаешь по мостику, снова взглядываешь на компас и снова приказываешь, чтобы вперед смотрели.

Дождь начинает хлестать с меньшею силой, и ветер как будто стихает.

«Счастливец этот Литвинов!» – не без зависти думаешь о «счастливце», который сменит тебя и не промокнет до нитки.

Вот наконец бьет восемь склянок, и с последним ударом колокола окутанная в дождевик плотная фигура лейтенанта Литвинова появляется на мостике.

– Скверную же вы сдаете мне вахту... Что бы приготовить получше? – говорит Литвинов, заливаясь, по обыкновению, веселым смехом.

– Скверную? Вы посмотрели бы, что на моей было! – отвечаешь недовольным, обиженным тоном. – Дождь-то проходит.

– Зато темно, как...

Литвинов заканчивает свое сравнение и говорит:

– Ну, сдавайте вахту... Небось чаю хочется? Спешите, а то пан Казимир унесет свой коньяк... И то я его наказал на целую рюмку. Накажите и вы, чтоб он не мог заснуть от отчаяния.

Я стал сдавать вахту: сказал курс, передал распоряжение не уменьшать хода без приказа капитана и прибавил, что в исходе девятого мы должны быть на траверзе группы маленьких подводных островков. Они должны оставаться слева.

– Да разве мы их еще не прошли?

– То-то нет... Хотите удостовериться – взгляните на карту. Она, кстати, наверху, в рубке.

Мы спустились в маленькую рубку под мостиком и заглянули туда.

Там сидел сухощавый низенький пожилой человек лет пятидесяти, с маленьким морщинистым суровым лицом, озабоченно поглядывая на лежащую перед ним карту. На нем был дождевик и зюйдвестка, из-под которой виднелись седоватые волосы.

Это был старший штурман «Красавца», штабс-капитан Никанор Игнатьевич Осинников, или, как тихонько звали его гардемарины, «Синус Синыч», молчаливый, угрюмый, основательный служака из штурманских «косточек», много переплававший на своем веку, страшно самолюбивый и мнительный в охра-

нении своего достоинства, щекотливый к малейшей шутке и в то же время редкий добряк, несмотря на свой суровый вид, с теми, кто пользовался его расположением, то есть не подозревался в насмешливом или презрительном отношении к штурманам и кто умел хорошо брать высоты и вычислять безошибочно широту и долготу места.

Литвинов, этот общий любимец и enfant gate¹ кают-компании, всегда добродушный, веселый и жизнерадостный, остроумный рассказчик неистощимых анекдотов, умевший вызывать улыбку даже на хмуром лице Никанора Игнатьевича, заглянул в карту, на которой был проложен курс, и неосторожно кинул вопрос:

– А не снесет нас течением, Никанор Игнатьич?

Несколько суеверный, не любивший, чтобы заранее говорили о какой-нибудь опасности, грозившей клиперу по штурманской части, Никанор Игнатьевич строго взглянул на молодое, румяное, веселое лицо лейтенанта.

– А вы думаете, течение не принято в расчет? Принято-с! Потому-то и курс проложен-с в десяти милях от этих маленьких подлецов! – с сердцем промолвил старый штурман, указывая своим высохшим костлявым пальцем на «маленьких подлецов», обозначен-

¹ баловень (фр.).

ных на карте. – Оно, конечно, лучше бы и еще подальше от них! Наблюдений сегодня не было... Течения тут никто не определял... Черт его знает! – как бы в сердитом раздумье прибавил Никанор Игнатьевич.

– Так отчего же мы не наплюем на этих подлецов и не оставим их совсем далеко, Никанор Игнатьич? – спросил, весело улыбаясь, Литвинов.

– То-то вам все наплевать! А приказание адмирала – спешить как можно скорей?.. На него не наплюешь! Капитан и решил идти ближе к берегам. Волнение здесь не такое сильное, как в открытом море при этом подлом норд-весте, и следовательно, клипер имеет большой профит² в ходе-с. Там мы ползли бы узлов по шести, а теперь по десяти дуем-с! Не давай таких предписаний! – неожиданно прибавил возбужденно и сердито Никанор Игнатьевич. – Какая такая спешка!

Столь подробное объяснение, которым удостоил обыкновенно скупой на слова старый штурман, едва ли можно было приписать исключительно расположению Никанора Игнатьевича к Литвинову. Возбужденный, сердитый тон штурмана обнаруживал скорей его волнение, которое он всегда испытывал, тщательно, впрочем, скрывая его, когда вблизи клипера были какие-нибудь «большие» или «маленькие подлецы».

² выгоду (от фр. profit).

Литвинов больше не расспрашивал. Поднимаясь на мостик, он снова повторил мне на прощанье совет «непременно наказать пана Казимира» и вслед за тем крикнул веселым, звучным голосом, во всю силу своих могучих легких:

– Вперед смотреть!

И, точно наэлектризованные этим веселым голосом, часовые на баке так же весело и громко ответили:

– Есть! Смотрим!

Вышел из рубки и Никанор Игнатьевич.

Полоса света, падавшего от машинного люка, осветила низенькую, маленькую фигурку старшего штурмана, пробиравшегося, понутив голову, на бак с большим биноклем в руке.

«Теперь Синус Синыч, верно, сам будет вперед смотреть. Смотрите, смотрите, господа!» – подумал я, спускаясь вниз, веселый и довольный, что кончилась эта скверная вахта.

II

Через пять минут переодевшись в сухое платье, я уже сидел в теплой, светлой кают-компании за стаканом чая, испытывая то ощущение довольства, удовлетворенности и некоторой приятной истомы, которое хорошо знакомо морякам. Теперь уж меня не особенно занимало, что делается там, наверху, – хлещет ли дождь или нет. Здесь, внизу, было уютно, сухо и тепло.

Однако совета Литвинова так-таки и не удалось исполнить, хотя я и не прочь был влить несколько ложек коньяка в чай. В тот самый момент, как вестовой подал мне стакан и я только что хотел подговориться к превосходному докторскому коньяку, предусмотрительный доктор (он же пан Казимир), по обыкновению ораторствовавший о возвышенных предметах со своим несколько театральным пафосом и весь поглощенный, казалось, точным определением истинного мужества, успел все-таки заметить мой «прицельный» взгляд на бутылку. И, словно бы желая собственным примером показать образец истинного мужества, он поднялся с дивана, не окончив перечисления всех знаменитых «светочей поэзии и философии», трактовавших об этом вопросе, и унес, к край-

нему моему огорчению, бутылку fine champagne ³ в свою каюту.

Многие, заметившие этот маневр, наградили меня сочувственными улыбками, а сосед мой, молодой черноволосый мичман Гарденин, штудировавший Шлоссера, шепнул, отрываясь от книги:

– Опоздали! А ведь бутылка, против обыкновения, была на столе все время, пока доктор разводил разводы. Сегодня он в особенном ударе! Старшего офицера уж в лоск уложил и заставил удрать в каюту. Теперь донимает Ванечку... Смотрите, как Ванечка обалдел! Скоро, пожалуй, придется спешить на выручку... – прибавил, усмехаясь, мичман, умевший с большим искусством травить доктора.

Пан Казимир между тем вернулся и продолжал как ни в чем не бывало прерванную беседу об истинном мужестве, обращаясь главным образом к сидевшему близ него младшему механику, невозмутимому молодому хохлу в засаленной, когда-то белой куртке, как к единственной жертве, способной выслушивать без знаков нетерпения длинные речи и рассказы доктора, герой которых, Казимир Викентьевич Горжельский, разумеется, являлся всегда при бенгальском освещении.

– Великий поэт Виктор Гюго в одном из своих тво-

³ коньяка (фр.).

рений говорит, что мужество есть неперемнное качество возвышенных натур.

Доктор, говоривший с заметным польским акцентом, стал было цитировать стихи Виктора Гюго, отвратительно произнося французские слова, но, декламировав несколько стихов, остановился.

– Впрочем, вы ведь не знаете по-французску? – спросил он.

«Обалдевший» механик с невозмутимым видом отрицательно качнул головой.

– Так я вам переведу.

Он перевел и продолжал:

– Другой гениальный поэт, Байрон... Вы знаете по-английску!

Ванечка снова ответил отрицательным кивком.

Тогда доктор привел по-русски соответствующий пример из Байрона и прибавил, что любит читать классиков в подлинниках. Это не то что переводы! Очень жаль, что молодой человек не знает языков! Он дал бы молодому человеку много интересных книг на французском, немецком, английском и итальянском языках. Он на всех этих диалектах свободно говорит и читает... Он много перечитал книг... «Не менее десяти тысяч томов!» – прибавил доктор и снова воскликнул:

– Ах, как жаль, что вы не знаете языков!

И этот самоуверенный, полный необыкновенного апломба тон, каким говорил доктор, и выражение самовосхищения, стоявшее в чертах его продолговатого желтого, окаймленного черными баками лица с низким узким лбом, под которым сидели небольшие холодные темные глаза, и быстрые взгляды исподлобья, бросаемые во время разговора на окружающих, – словом, все в этом сорокалетнем Нарциссе, влюбленном в себя, говорило, что он не столько жалеет о незнании Ванечкой иностранных языков, сколько хочет порисоваться и убедить публику в своих преимуществах.

Несмотря на знание доктором четырех языков (крайне, впрочем, сомнительное) и на необыкновенные случаи из практики, о которых любил рассказывать доктор, пана Казимира в кают-компани недолго любили, «случаям» его верили с осторожностью и считали доктора самолюбивым, надутым фразером и хвастуном. Даже юные гардемарины, с которыми доктор вначале пробовал либеральничать, очень скоро поняли подозрительность его цивизма⁴, напыщенность фразы и ограниченность ума. Вдобавок и его льстивая манера обращения с капитаном и старшим офицером, любезное высокомерие с другими и чисто шляхетское, полное нескрываемого презрения отно-

⁴ гражданских чувств (от лат. *civils* – гражданский).

шение к матросам еще более нас отталкивали, и доктор напрасно расточал перлы красноречия, рассказывая в интимной беседе а part ⁵ о высших «непонятых натурах», обреченных судьбою жить среди людей низменного уровня. Непонятую натуру обегали и относились к ней далеко не дружелюбно.

К этому надо прибавить, что доктор был из тех поляков, которые упорно открещаются от своей национальности в среде русских и прикидываются ярыми патриотами среди поляков.

Пожалев, что наш милейший хохол Ванечка обречен на тьму невежества, доктор хотел было рассказывать один из «интересных случаев в его жизни, когда знание иностранных языков принесло ему громадную пользу», как мой сосед Гарденин, воспользовавшись временем, пока доктор не спеша свертывал папиросу, шепнул мне:

– Совсем он замучает Ванечку. Я ведь слышал этот «случай»... Очень длинный случай... Вы знаете историю про знатную итальянку?

– Нет.

– Так вот она в кратком изложении. Знатная итальянка в Петербурге... Ну, конечно, красавица и, конечно, у нее сложная болезнь, редкая в медицине... Пять знаменитых врачей, с Боткиным во главе, не по-

⁵ с глазу на глаз (фр.).

нимая ни слова по-итальянски, не понимают, разумеется, и ее болезни, лечат от пневмонии, тогда как у нее сердце, печень и что-то в кишках, – словом, совсем не то, а что-то другое... перикардит и еще какое-то мудреное название. Знатная итальянка чахнет, еще два-три дня – и не видать бы ей божьего света, как вдруг пан Казимир приезжает из Кронштадта и совершенно случайно, хотя и без тени правдоподобия, попадает к знатной итальянке. Вы догадываетесь, конечно, о финале? Она прогоняет всех врачей, через пять дней встает с постели, а еще через пять едет на бал к бразильскому посланнику. Само собой, дело не обходится без романтической компликации ⁶. Исполненная благодарности к своему спасителю (вдобавок тогда пан Казимир был чертовски хорош и, по его словам, отчаянный сердцеед), знатная итальянка намекает, что так и так, она не прочь выйти замуж за пана Горжельского (предки доктора ведь от Пяста!), но он, натурально, как благородный шляхтич, не хочет воспользоваться увлечением ее знойного темперамента и сделаться владельцем замка в Неаполе и рисовых полей в Ломбардии... И вот тогда-то она снимает с своего пальца и надевает на мизинец пана Казимира тот самый необыкновенный брильянт, стоящий сорок две тысячи франков (ни одного сантима менее!), ко-

⁶ запутанности (от лат. complicatio).

торым доктор вместе с другими кольцами украшает свои противные пальцы по праздникам и при съездах на берег... Нет, положительно надо выручать Ванечку! Уж доктор разглаживает баки – значит, сейчас начнет.

И с этими словами, произнесенными вполголоса, черноволосый, худенький, с подвижной физиономией и вздернутою губой Гарденин поднялся с места и, присаживаясь на противоположном крае стола, рядом с Ванечкой, обращается к доктору:

– Позвольте побеспокоить вас, доктор, одним вопросом?

Серьезный тон и самое невинное выражение лица молодого мичмана обманывают на этот раз доктора, и он, не подозревая никакой каверзы, позволяет благосклонным наклоном головы.

– Объясните, пожалуйста, что это за болезнь перикардит? – продолжал Гарденин, по-видимому весьма заинтересованный сведениями о перикардите, и в то же время незаметно подталкивает локтем Ванечку: уходи, мол!

Хотя доктор предварительно и замечает, что профану в медицине довольно трудно будет понять сущность этой болезни, тем не менее входит в подробные объяснения, уснащая их различными медицинскими терминами, а тем временем младший механик благополучно удирает из кают-компании.

Удовлетворив любознательности Гарденина и совершенно успокоившись насчет его намерений, доктор, заметивший исчезновение Ванечки, не может удержаться от искушения рассказать про «случай» и прибавляет:

– Я только что хотел рассказать об одном весьма интересном случае излечения именно той болезни, которая вас интересует... Все лучшие доктора...

– Это когда вы лечили одну знатную итальянку, доктор? – перебил мичман.

Доктор, не любивший, чтобы его прерывали, с важностью промолвил:

– Я на своем веку многих аристократов пользовал...

– Но, сколько мне помнится, именно у итальянки был жестокий перикардит с какими-то осложнениями, и если бы не ваше искусство, плохо пришлось бы больной? – продолжал Гарденин с самым серьезным видом, преисполненный, казалось, необыкновенным почтением к искусству доктора.

– Да, был такой случай... Я пользовал маркизу Кастеламарре! – говорил доктор, произнося слова «маркизу Кастеламарре» с каким-то сладостным замиранием в голосе. – Об этом случае в свое время много говорили в медицинском мире...

– Как же, как же... Я ведь слышал, как вы рассказывали эту любопытную историю...

– Это, извольте знать, не история, а факт! – внушительно проговорил пан Казимир, начиная хмуриться.

– О, разумеется факт, тем более что и брильянтовое кольцо в сорок две тысячи франков – тоже факт, и весьма ценный факт!

– Вероятно, вам не случилось видеть хороших брильянтов, и вы, кажется, изволите сомневаться в ценности моего супира? – с презрительной усмешкой заметил закипавший злостью доктор, нервно пощипывая длинными желтыми пальцами свою выхоленную, великолепную черную бакенбарду.

– Христос с вами, доктор, смею ли я сомневаться? – воскликнул, по-видимому с полной искренностью, шаловливый мичман. – Такие ли еще бывают факты!.. «Есть много, друг Горацио, тайн» и так далее... Я, положим, не видал хороших брильянтов – не стану врать, – но видал, например, крупнейших окуней у нас, в Смоленской губернии, и знаю тоже в своем роде интересный факт об их живучести, о котором я, с вашего позволения, расскажу. Стали жарить однажды громадного жирного окуня, фунтов эдак десяти, и что ж бы вы думали? Уж один бок его стал румяниться, а окунице, подлец, все еще жив... Так и пляшет, я вам доложу, на сковороде. Сняли этого самого мерзавца со сковороды, зашили ему брюхо, пустили в речку, и – поверите ли, доктор? – ведь поплыл,

как вострепанный, окунь-то этот... Факт невероятный, а ведь я сам видел! – прибавил с невозмутимой серьезностью мичман.

Общий смех огласил кают-компанию.

Не смеялся только один доктор.

Позеленевший от злости, с презрительно сощуренными глазами, он в первую минуту пребывал в гордом молчании и только, когда смех прекратился, заметил с пренебрежением оскорбленного величия:

– Признаюсь, я не понимаю этого мичманского остроумия... Какой-то окунь... какой-то вздор...

Вдруг раздался страшный треск. Клипер вздрогнул всем своим корпусом, как-то странно покачнулся и, казалось, сразу остановился.

Все на мгновение замерли, недоумевающие и испуганные, взглядывая друг на друга широко раскрытыми глазами.

Старший офицер, вылетевший из каюты, пронесся как бешеный наверх. Вслед за ним ринулись и другие. Доктор, бледный как полотно, не трогаясь с места, беззвучно что-то шептал и крестился.

В первое мгновение я не сообразил, что такое случилось, и не испугался. Но вслед за тем мне почему-то представилось, будто на нас наскочило судно и врезалось в бок. И тогда мною овладел страх, который я тщетно усиливался побороть, стараясь казать-

ся спокойным. Сердце упало, холод пробежал по всему телу, и я бросился стремглав вслед за другими наверх, охваченный паникой и стыдясь в то же время своего малодушия, недостойного моряка.

Непроглядная темень по-прежнему окутывала клипер, недвижно стоявший среди моря. На палубе царила грозная тишина. Только рокотало море да ветер жалобно посвистывал в снастях. И среди этой тишины клипер, приподнимаемый волнением, снова еще раз и другой тяжело ударился о подводный камень. Удары эти сопровождались таким наводящим ужас треском во всех членах судна, что казалось, оно не вынесет этой пытки и вот-вот сейчас развалится пополам.

– О господи! – раздалось чье-то скорбное восклицание среди людских теней, собравшихся кучками на палубе.

И чей-то голос стал тихо читать молитву.

– Беспременно тепериче разобьет нас на каменьях!

– Вишь, угодили-то как!

– Смирно! – раздался вдруг с мостика голос капитана.

Разговоры мгновенно смолкли.

– Триселя и кливер поставить! Лотовые на лот! Полный ход вперед! – командовал капитан.

В этом негромком, несколько гнусавом, отчетливом голосе не слышно было ни одной нотки страха или

волнения. Он был спокоен, прост и ровен, точно капитан распоряжался на ученье. И это спокойствие словно бы сразу низводило опасность положения до самой обыкновенной случайности в море и, невольно передаваясь другим, вселяло бодрость и уверенность в сердца испуганных людей.

– Ишь ведь, отчаянный он у нас какой! – проговорил кто-то среди толпившихся матросов повеселевшим голосом.

– Не бойсь, он распорядится!

И у меня отлегло от сердца. Я еще более устыдился своего малодушия и торопливо поднялся на мостик, где должен был находиться, по расписанию, во время аврала.

Машина работала полным ходом, но клипер не двигался с места.

– Как глубина?

В ответ раздался отрывистый голос старшего штурмана, под наблюдением которого лотовые обмеряли глубину вокруг клипера.

Недаром голос Никанора Игнатьевича, перегнувшегося через борт с фонарем в руках, звучал сердито. Обмер показывал, что клипер сидел всем своим корпусом на камне и только корма была на вольной воде.

– Фальшвейры! – приказал капитан.

Ярко-красный огонь фальшвейров, выкинутых с

обеих сторон, погрузив в тьму клипер, рассеял таинственность окружающего мрака. Слева, в недалеком расстоянии, белелись грозные буруны, доносясь слабым откликом характерного гула. Справа море было чисто и с однообразным ровным шумом катило свои волны, рассыпавшиеся пенистыми седыми верхушками. Ясно было, что мы, по счастью, налетели на крайний камень из этой группы маленьких «подлецов», брошенных среди моря.

– Стоп машина! Полный ход назад! – распорядился капитан, передавая приказания в машину через переговорную трубку.

Прошла еще бесконечная тягостная минута.

– Идет ли? – спросил капитан своим прежним спокойным гнусавым голосом.

– Нет!

И, словно в подтверждение, что не идет, клипер снова беспомощно ударился о камень. Удар этот, тяжелый, медленный, казалось, был ужаснее прежних.

Капитан взялся за ручку машинного телеграфа.

«Дзинь-дзинь!»

Машина застопорила.

«Дзинь-дзинь!»

Машина снова застучала полным ходом.

Бедняга клипер, точно прикованный, не подавался.

Я взглянул на худощавую невысокую фигуру капитана, стоявшего в полосе слабого света от огня компаса, рассчитывая по выражению его лица узнать о степени грозившей нам опасности.

Ни черточки страха или волнения! Напротив, во всей его фигуре, неподвижно стоявшей у машинного телеграфа, было какое-то дерзкое, вызывающее спокойствие, и всегдашнее чуть заметное надменное выражение, обыкновенно скрадывавшееся любезной

улыбкой, теперь, ничем не сдерживаемое, светилось во всех чертах красивого молодого лица, опущенного светло-русыми вьющимися бакенбардами.

Мне не был симпатичен этот «лорд», как метко прозвали гардемарины нашего капитана. Молодой, красивый, изящный, фаворит высшего начальства, не в пример другим делавший карьеру, двадцати шести лет уже бывший командиром щегольского клипера, он держал себя гордо и неприступно, с тою холодною вежливостью, под которою чувствовалось снисходительное презрение служебного баловня и черствость себялюбивой натуры. И, несмотря на это, теперь этот человек невольно восхищал своим самообладанием.

«Неужели же он нисколько не боится за клипер?» – с досадой думал я, посматривая на невозмутимого «лорда».

Точно в ответ на мои мысли, капитан тихо сказал старшему офицеру все тем же своим спокойным голосом:

– Кажется, плотно врезались. Осмотрите, нет ли течи?.. Да чтобы гребные суда были готовы к спуску! – еще тише прибавил капитан. – Мало ли что может случиться!

Не успел старший офицер уйти, как с бака крикнули:

– В подшкиперской вода!

Этот неестественно громкий, взволнованный голос нашего боцмана-финляндца заставил меня невольно вздрогнуть. Под мостиком кто-то испуганно ахнул.

В ответ на отчаянный окрик капитан крикнул обычное «есть!» таким равнодушным, хладнокровным тоном, будто в известии боцмана не было ничего важного и он отлично знает, что в подшкиперской вода.

И, понизив голос, прибавил, обращаясь к старшему офицеру:

– Что за идиот этот чухонец!.. Орет, вместо того чтобы прийти доложить... Потрудитесь осмотреть, Алексей Петрович, что там такое, велите поскорей заткнуть пробоину и дайте мне...

Взбежавший на мостик младший механик прервал капитана докладом, что в машине вода.

– И много?

– Подходит к топкам! – взволнованно отвечал обыкновенно невозмутимый хохол.

– Помпа пущена?

– Сейчас пустили!

– Ну и отлично! – промолвил капитан, хотя, казалось, ничего «отличного» не было. – Давайте чаще знать, как в машине вода.

Механик ушел, а капитан хладнокровно продолжал отдавать приказания старшему офицеру, и только речь его сделалась чуть-чуть торопливее и отры-

вистее.

– Пустить все помпы! Скорей на пробоину пластырь! Когда сойдем, подведите парус.

Старший офицер бегом полетел с мостика, а капитан снова взялся за ручку машинного звонка.

«Сойдем ли?»

Сомнение закрадывалось в душу, усиливаясь при новом ударе беспомощного клипера и вызывая мрачные мысли.

«До берега далеко, не менее двадцати миль... Как доберемся мы на шлюпках при таком волнении, если придется спасаться? Неужели нам грозит гибель? За что же? А жить так хочется!»

И сердце тоскливо сжималось, и взор невольно обращался по направлению к этому далекому берегу.

Но глаз ничего не видит, кроме непроглядной тьмы бурной ночи. Ветер, казалось, крепчал. Всплески волн с шумом разбивались о бока клипера.

«Ах, если б он скорее сошел!»

С тех пор как мы вскочили на камень, прошло не более двух-трех минут, но в эту памятную ночь эти минуты казались вечностью.

– Господин С.! Взгляните, как барометр, да посмотрите, нет ли воды в ахтерлюке! – приказал капитан.

Я бросился вниз, и – странное дело! – мрачные мысли тотчас же исчезли; я думал только, что надо

исполнить приказание, не вызвав снисходительно-насмешливого замечания «лорда».

На трапе я нагнал Гарденина, посланного старшим офицером с тем же поручением.

Гарденин вошел первый в кают-компанию, но вдруг остановился на пороге и, приложив палец к губам, шепнул, указывая на открытую докторскую каюту:

– Смотрите, как действует истинное мужество!

Несмотря на серьезность положения, я невольно улыбнулся вслед за Гардениным, увидав пана доктора. Без сюртука, с спасательным поясом, обвязанный весь какими-то мешочками, метался он по каюте, собирая вещи, и растерянным голосом бормотал какие-то слова.

– А ведь потом нам же будет рассказывать, как геройствовал! – зло проговорил Гарденин, входя в кают-компанию.

Заслышав голоса, доктор торопливо надел пальто и вылетел к нам.

Бледный, с искаженным от страха лицом, стараясь под жалкой, неестественной улыбкой скрыть перед нами свой страх, спросил он прерывистым голосом:

– Ну что? Есть ли надежда, что сойдем?

– Никакой! Сейчас тонем, доктор! – гробовым голосом отвечал Гарденин.

Страшный треск нового удара, казалось, подтвер-

ждал эти слова.

– О пан Иезус! О matka божка! – в ужасе шептал доктор крестясь.

– Полно врать, Гарденин! – перебил я, чувствуя невольную жалость к этому олицетворению страха. – Пока никакой непосредственной опасности нет, доктор!

– А вы уж собрались спасаться?.. Небось теперь и пана Иезуса и матку божку вспомнили? – насмешливо кинул Гарденин и, повернувшись, крикнул вошедшему с фонарем вестовому: – Живо, люк!

Несмотря на страх, доктор метнул в спину Гарденина взгляд, полный ненависти и злобы. Он не простил Гарденину этой злой шутки и с той минуты возненавидел его.

– А я на всякий случай приготовился ко всему! – обратился ко мне доктор с заискивающей улыбкой, оправившись несколько от страха после моих успокоительных слов. – Не следует никогда теряться в опасности! – прибавил он с хвастливостью и торопливо бросился наверх...

Я спустился за Гардениным в ахтерлюк. Воды там не оказалось, и мы тотчас вышли.

– Как вы думаете, Гарденин, сойдем?

– А черт его знает! Нет, непременно выйду в отставку, как вернусь в Россию, если только буду жив! –

неожиданно прибавил он. – Эти ощущения не особенно приятны... ну их! Я вот смеюсь над доктором за его трусость, а ведь сам, признаться, жестоко трушу! – проговорил с какою-то возбужденной, подкупающей искренностью Гарденин, пользовавшийся заслуженною репутацией лихого офицера.

С этими словами он выскочил из кают-компания.

Взглянув в капитанской каюте на барометр, я поднялся наверх и взбежал на мостик.

IV

Капитан стоял на краю и, перегнувшись через поручни, смотрел за борт, держа в руке фонарь. На шканцах, перевесившись совсем через борт, с тою же сосредоточенностью смотрел на воду и Никанор Игнатьевич.

Точно в ожидании чего-то особенно важного, на палубе была мертвая тишина. Только машина, работавшая полным ходом, торопливо отбивала однообразные такты.

Я доложил капитану о высоте барометра и об осмотре ахтерлюка, но он, казалось, не обратил внимания на мой доклад и, не поднимая головы, крикнул:

– Идет ли?

Несколько секунд не было ответа.

– Тронулся! – вдруг прокричал старый штурман. – Идет! – еще веселее крикнул он через секунду.

– Пошел... пошел!.. – раздались с бака радостные голоса.

Капитан торопливо подошел к компасу.

– Самый полный ход вперед! – крикнул он в машину.

Слышно было, как клипер с усилием черкнул по камню и, словно обрадовавшись свободе, вздрогнул всем телом и быстро двинулся вперед, рассекая тем-

ные волны. Грозный бурун над камнем белелся седым пятном за кормой.

Невыразимое ощущение радости и счастья охватило меня. Громкий вздох облегчения пронесся на палубе. И дерзкая, вызывающая улыбка весело играла на лице капитана.

– Лево на борт! – крикнул он рулевым, и клипер, сделав полный оборот, поворотил назад.

– Счастливо отделались! – сказал капитан подошедшему старшему офицеру. – Что, много воды?

– Порядочно... Одну пробоину нашли в носу... Сейчас будем подводить парус...

– Я иду назад! – заметил капитан. – Идти по назначению далеко, да и ветер противный... Как окончите подводку паруса, ставьте все паруса и брамсели.

– Ветер крепчает! – осторожно вставил старший офицер.

– Ничего, пусть гнутся брам-стенги! Под парами и парусами мы живо добежим до порта и завтра будем в доке. Нас, верно, таки порядочно помяло... Не правда ли? – прибавил капитан.

И, не дождавшись ответа, спросил:

– Кто на вахте?

– Я! – проговорил Литвинов, поднимаясь на мостик.

– Курс SSW... Идти самым полным ходом!

– Есть!

– Ну, теперь пойдете-ка, Алексей Петрович, посмотрим, какова течь... А ведь крепок «Красавец»! Было его сильно-таки... Сколько мы стояли на камне, Никанор Игнатьич?

– Четыре с половиной минуты-с! – хмуро отвечал старый штурман.

– Довольно времени, чтобы разбиться! – усмехнулся капитан, спускаясь с мостика и исчезая в темноте.

Через полчаса под носовую часть клипера был подведен парус. Все помпы работали, едва успевая откачивать воду, и «Красавец» под парами и всеми парусами неся среди мрака ночи узлов по тринадцати в час, словно раненый зверь, бегущий к логову, чтобылизать свои раны.